

Спортивный комплекс «Шэньлань» превратился в самое оживленное и шумное место во всем городе А. Фанаты десяти финалистов, не дожидаясь рассвета, стягивались к стадиону еще под покровом ночи, чтобы застолбить лучшие места и завтра во все горло кричать слова поддержки своим кумирам.

Площадь перед спортивным комплексом напоминала встревоженный муравейник. Повсюду виднелись огромные пакеты с кофе и сэндвичами; самые преданные поклонники разбивали палатки, намереваясь нести вахту до самого утра.

В социальных сетях кампания в поддержку финалистов тоже была в самом разгаре.

Поклонники как минимум четверых артистов были абсолютно уверены в победе своих кумиров и всю агитировали в тематических ветках шоу. Громче всех, разумеется, звучали голоса фанатов Линь Циня — его армия была самой многочисленной.

«Заранее поздравляю нашего сокровища Циня с короной! Ребята, наслаждаясь его голосом, не забывайте голосовать!»

«Если он возьмет первое место, устрою розыгрыш и подарю настоящие жемчужины!»

«На самом деле интриги нет никакой. Линь Цинь забронировал себе чемпионство еще в полуфинале».

Поклонники Чэн Цзэжуня, разумеется, не желали с этим мириться.

«Кто это тут недооценивает нашу армию мамочек-фанаток? Да, мы постарше этих девчонок и, может, голосуем не так шустро, но мы — живые люди, ясно вам?»

«Вот именно! Кто следит за данными, тот знает: у Цзэжуна больше всего обычных зрителей-симпатиков. Это всё старшие сестры и тетушки. Очаровательный паренек с детским лицом и ямочками на щеках всегда будет в фаворе».

«К тому же в этот раз голосуют и судьи. Один голос судьи — это десять тысяч обычных голосов. У четверых судей — сорок тысяч».

«Эм... я сразу скажу: мой Фу Хуань вряд ли станет первым. Но уж обойти ваших „Фужуй“ на сорок тысяч голосов для „Чжэньцзысу“ — левое дело. Мы вообще одно и то же шоу смотрим?»

«Ха-ха, я-то думал, исход предрешен, а оказывается, „Фужуй“ всерьез на что-то надеются».

«Послушайте, когда мы говорим, что боремся за первое место — это мы так, для остротки. Неужели поклонники Цзэжуя восприняли это всерьез?»

«Если честно, не буду судить об уровне мастерства — в искусстве нет объективного первого места. Но это конкурс голосования. И если Линь Цинь не станет первым, у меня к этому миру возникнет огромный вопрос».

— Линь Цинь, на проверку оборудования! — прохрипел в мегафон режиссер площадки.

Юноша в обычной повседневной одежде, низко надвинув козырек кепки, легко взлетел на сцену. Приняв микрофон из рук техника, он прошел в самый центр.

Несмотря на простой наряд, за последние месяцы в нем развилась порода настоящей звезды. Стоило ему занять место под софитами, как образ тихого и послушного мальчика, который он сохранил за кулисами, мгновенно испарялся.

Фанаты, прокравшиеся на репетицию по знакомству, восторженно вскинули камеры, ловя кумира в объективы.

В свете прожекторов, под прицелом линз, он легко и непринужденно исполнил всю песню. Даже простая проверка звука не стала для него поводом схалтурить. Под сценой слышались восторженные вскрики.

«Голос нашего Циня — просто космос!»

«Сценическое обаяние растет на глазах. За кулисами такой тихоня, а на сцене — сплошной напор. У него там что, несколько личностей внутри?»

«Если завтра выступит так же, как на репетиции — победа в кармане. А ведь я переживала, когда услышала от знакомых в индустрии, что Цинь сильно простудился».

«Эй, подождите... посмотрите на его шею. Видите эту красную точку?»

«Вроде есть. Что это такое?»

Поклонники притащили с собой технику стоимостью в десятки тысяч юаней, способную запечатлеть каждую пору на коже. Одна из фанаток, просматривая снимки, наткнулась на не успевший затянуться след от укола.

При сильном увеличении крошечный прокол отчетливо предстал перед глазами девушек.

«Я слышала, что многие певцы, когда болеют, делают уколы прямо в горло, чтобы связки не болели. Но это очень вредно для организма».

«Значит, слухи про простуду — правда? Наш Цинь колол лекарство?»

«Как же жалко его... Он так похудел. И выглядит уже не таким счастливым, как в самом начале конкурса».

«График слишком плотный. Видимо, на износе работает».

Закончив проверку, Линь Цинь вернул микрофон персоналу и быстрым шагом скрылся за кулисами. Режиссер площадки, провожая его взглядом, невольно вздохнул.

До финала оставалось 18 часов.

Цзянь Фу не мог сомкнуть глаз. Он ворочался под одеялом, точно вьюн, мечущийся в иле. Ему отчаянно хотелось позвонить другу, услышать его голос, спросить, как идет подготовка.

Но следом пришла мысль: а вдруг тот занят? Вдруг обсуждает важные дела? Репетирует? Дает интервью?

Пришлось подавить этот порыв.

Хотя Цзянь Фу и верил, что с такой армией фанатов количество голосов Линь Циня в любом случае будет заоблачным, страх неудачи всё равно грыз изнутри. Если певец выступит плохо, это будет так неловко... фанаты расстроятся.

Юноша трижды сплюнул через плечо, ругая себя за дурные мысли.

По совести говоря, он на собственном ЕГЭ так не нервничал. Он хотел, чтобы Линь Цинь выступил хорошо. Нет, лучше всех. Идеально.

Некоторое время назад фан-клуб, из которого его когда-то вышвырнули, принял его обратно. Несмотря на то что председатель из него вышел непутевый, он всё-таки поработал ассистентом Линь Циня и придумал вполне звучное имя для фандома — его признали «истинным фанатом».

Цзянь Фу и смех, и грех, но он не стал объяснять девушкам тонкости их с Линь Цинем боевого братства, а лишь поддакнул:

— Да-да, я самый преданный фанат. Наш Цинь — лучший.

Он увидел в чате уведомление от председателя: завтра, как только откроется голосование, каждый должен сделать скриншот после того, как отдаст голос. Фан-клуб собирался вести собственный подсчет.

«Вот же морока», — подумал Цзянь Фу.

Эта затея казалась ему бесполезной, ведь уведомление не охватит всех фанатов, и статистика будет неполной. Сизифов труд. Но стоило ему открыть рот, как девчонки снова обвинили бы его в безделье, так что он благоразумно промолчал.

Он решил, что после завершения конкурса обязательно пожалуется другу: самые свирепые девчонки в мире собрались именно в его группе поддержки. Хотя Линь Цинь, скорее всего, лишь беспомощно улыбнется и скажет: «Они не злые, они просто за меня переживают».

Ну да, тот ко всем добр, всех готов понять. Настоящий паинька.

От этой мысли на душе у Цзянь Фу стало спокойнее. Он перестал ворочаться и затих.

Завтра определенно будет хороший день.

Досмотрев комедию до конца, ни Ли Жун, ни Цэнь Сяо так ни разу и не рассмеялись.

Ли Жун честно пытался найти в фильме хоть что-то забавное или нелепое, но стоило уголкам губ дрогнуть в намеке на улыбку, как тяжелые мысли тут же тянули их вниз. Попытка отвлечься с треском провалилась.

К тому же от долгого сидения в одной позе начала ныть спина.

Староста поднялся на колени, развернулся на диване и, подавшись вперед, прижался грудью к бедру Цэнь Сяо.

— Разомни мне поясницу. Завтрашний финал будет идти четыре часа, боюсь, я просто не высижу.

Цэнь Сяо обхватил его за талию, подтягивая ближе к себе, и положил ладони на его напряженную спину.

— Почему снова разболелась?

Ли Жун, наслаждаясь массажем, довольно зажмурился.

— Койка в приемном покое была слишком жесткой. Устал лежать.

Собеседник скользнул ладонью под одежду Ли Жуна, постепенно увеличивая нажим и разминая затекшие мышцы. Его пальцы задержались на тонкой талии.

— Два года прошло, а ты всё никак не наберешь вес. Убыточный поросенок.

— Быть беззаботным поросенком — не такая уж плохая перспектива, — негромко отозвался Ли Жун.

Они оба старались поддерживать непринужденный тон, пытаясь скрыть камни, давящие на сердце, чтобы не обременять друг друга своей тревогой. Но оба понимали: чувствовать легкость сейчас почти невозможно.

До начала финала оставалось 17 часов.

В девять утра основные силы фанатов уже стянулись к площади перед стадионом. Повсюду раздавали атрибутику, фотографировались, записывали ролики — шум стоял невообразимый.

В это же время в сети произошел взрыв промо-активностей: посты о шоу и презентации участников заполнили все ленты. Все замерли в предвкушении вечернего торжества.

Линь Цинь съел пару кусочков салата, отложил вилку и откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза. Цзянь Фу порывался прийти к нему в гримерку, но артист отказал, сославшись на то, что персонала и так хватает, а за кулисами царит хаос.

На самом деле он просто боялся, что пока он не в гриме, друг увидит след от укола на его шее.

Когда-то он думал, что он сам — это самое важное, и всё должно вращаться вокруг его интересов. Но позже осознал: это не так. Ради фанатов, которые относятся к нему со всей

душой, он обязан показать идеальное выступление — только так он сможет отплатить за их преданность.

Ради друзей, которые открыли ему свои сердца, он должен выложиться на полную и создать ту самую «благоприятную среду». Это был его осознанный выбор. Юноша чувствовал себя счастливым, когда были счастливы те, кто ему дорог.

Он осторожно коснулся пальцами диктофона в кармане. Он купил лучшее устройство: запись была кристально чистой и громкой.

Линь Цинь прослушал эту аудиозапись сотни раз. Он увеличил скорость, сжав фрагмент до полуминуты. Эти тридцать секунд должны были стать точными, резкими и сокрушительными — такими, чтобы ни Президент Сун, ни компания «Сухэ» не успели опомниться.

Эту запись он пустит в эфир на глазах у всех, и неважно, какое место он в итоге займет.

На телефон пришло голосовое сообщение от Ли Жуна:

«Линь Цинь, не накручивай себя. Этот конкурс важен, но не настолько, чтобы отдавать ему всего себя без остатка. Жизнь долгая. Не нервничай. Наслаждайся вниманием, купайся в лучах славы».

Певец прокручивал это сообщение снова и снова, пока в душе не воцарился штиль. Порой у него возникало странное чувство, будто староста намного старше его самого — он всегда ощущал исходящую от Ли Жуна силу.

К нему подошел Фу Хуань. Увидев, как Линь Цинь сидит с закрытыми глазами, благоговейно прижимая телефон к груди, он решил, что тот слушает запись репетиции. Фу Хуань закатил глаза и сорвал с артиста наушник.

— Эй, Чэн Цзэжуй услышал, что тебе делали укол, и побежал вкалывать себе стероиды.

Собеседник коротко усмехнулся, никак не прокомментировал это.

— Ну и ладно, — кивнул Фу Хуань. — Вижу, нервы у тебя железные.

Тому, кому суждено занять первое или второе место, и впрямь незачем нервничать.

Линь Цинь выключил телефон. У него внезапно проснулся аппетит; он отправил в рот пару кусочков куриной грудки и пробормотал:

— У меня действительно простуда. А ему-то это зачем?

Фу Хуань скривился:

— Давление. Со стороны кажется, что за ним стоит «Вацзин» с их ресурсами и блеском, но пусть только попробует выступить плохо — узнает, почем фунт лиха. После того случая с «сопровождением на ужине» я всё понял. В их глазах мы — пустое место.

Линь Цинь замер с вилкой в руке.

— Ах да, — прошептал он. — Был еще тот ужин.

Тогда вместо него пошел староста, и благодаря этому удалось выйти на Директора Чжай. Для Линь Циня это не было чем-то плохим, скорее наоборот — большой удачей. Но для Фу Хуаня это событие осталось настоящим, жгучим унижением.

Да, именно унижением.

— Обед в одиннадцать тридцать! В три часа — грим, вечером поесть не удастся, так что налегайте в полдень! — кричал в мегафон координатор, проходя мимо дверей гримерок.

До начала финала оставалось 8 часов.

В три часа дня на стадионе начали проверку билетов. Фанаты едва не расшибали лбы, сражаясь за перила, на которые можно было повесить баннеры.

Световые табло прятали в самых немыслимых местах. Служба безопасности на входе багровела от напряжения: им хотелось проверить всех досконально, но они не смели задерживать толпу, а потому пропускали людей, закрывая на многое глаза.

Ли Жун и остальные приехали к четверем, но из-за огромной очереди попали внутрь только к пяти часам.

Линь Цинь оставил для них места в первом ряду, в секторе для друзей и близких. Там же сидели и его родители.

Цзянь Фу тут же втиснулся рядом с матерью Линь Циня, порхая вокруг нее, точно

восторженный мотылек.

— Тетушка, здравствуйте! Я лучший друг Линь Циня, меня зовут Цзянь Фу. Тетушка, вы выглядите просто потрясающе, такая молодая! Когда камера наведет на вас, ваш сын просто лопнет от гордости.

Мать Линь Циня, смущаясь и сияя от радости, не могла сдержать смеха:

— Ох, какой же ты речистый мальчик! Если бы мой сын был хоть наполовину таким же сладкоголосым, я была бы счастлива.

Она слышала имя Цзянь Фу от Линь Циня. Когда тот рассказывал о других, он рассыпался в похвалах, но когда речь заходила о Цзянь Фу, он становился каким-то неловким: то похвалит, то придерется, то снова похвалит. Мать даже грешным делом подумала, что они не в ладах, и наказывала сыну быть дружнее с одноклассниками. Но сегодня она увидела: этот юноша — сама любезность и радушие. Где же те недостатки, о которых говорил сын?

Гость доверительно взял женщину под руку:

— Тетушка, вы слишком скромничаете. Ваш сын куда лучше меня, и это всё ваша заслуга. Я же помню, как вы в старшей школе каждый день забирали его с дополнительных занятий. Какой это труд!

Красноречие и умение подлизаться проявились в Цзянь Фу во всей красе. Поначалу мать Линь Циня немного опешила от такой фамильярности, но вскоре уже сама ласково похлопывала парня по руке.

Ли Жун, Цэнь Сяо и Цзи Сяочуань тоже поздоровались с родителями Линь Циня, но вели себя вежливо и сдержанно.

Староста покосился на сияющего юношу и невольно покачал головой. Он толкнул Цэнь Сяо локтем:

— Цзянь Фу сейчас не напоминает тебе зятя, обхаживающего тещу?

Цэнь Сяо вскинул бровь:

— А он разве не он и есть?

Даже если сам юноша еще не осознал, почему ему так важно понравиться матери друга.

Ли Жун откинулся на спинку кресла и поднял взгляд на сцену.

— Хорошо, что мне не нужно обхаживать тещу, — вздохнул он.

В конце концов, отношение Сяо Мужань к нему порой заставляло его чувствовать себя почти в священном трепете.

— Тещу? — Цэнь Сяо, услышав это слово, не удержался от смешка.

В глазах Ли Жуна блеснула лукавая искра:

— А разве нет?

— Вот как? — Цэнь Сяо прищурился.

Ли Жун бросил на него быстрый взгляд, внезапно нахмурился и, прижав руку к груди, зашелся в кашле.

— Именно... так, — прохрипел он, тяжело дыша.

Цэнь Сяо замолчал. Спорить с ним в таком состоянии было невозможно.

Ли Жун едва заметно улыбнулся. Он медленно убрал руку от груди и положил её на плечо партнера, после чего с довольным видом устроился в кресле в ожидании начала.

Цэнь Сяо, разумеется, понял, что Ли Жун притворяется, но не ожидал, что его собственная покладистость окончательно закрепит за его матерью этот статус.

В шесть вечера свет на стадионе внезапно погас. Фанаты, до этого яростно спорившие из-за баннеров и мест, мгновенно затихли.

Началось!

Под звуки музыки медленно зажглись огни. Огромный стадион, подобно безмолвной морской пучине, внезапно озарился светом, пробившимся сквозь толщу вод.

Вместо приветствия ведущего из-за кулис зазвучали голоса четверых судей-музыкантов. Подпевая самим себе, они медленно вышли на середину сцены.

В десяти километрах отсюда, в Центральной больнице «Цзяцзя», Директор Чжай взглянула на часы. На сердце у нее лежал тяжелый камень. Впервые в жизни ей не хотелось заканчивать рабочий день; ей хотелось остаться в кабинете еще на час, еще на мгновение.

Чжоу Хун размашистой походкой вошел в её кабинет. Он выглядел триумфатором: глаза сияли, весь его облик лучился энергией. Засунув одну руку в карман, он чисто формально постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, бесцеремонно ввалился внутрь.

— Сестра, ты готова? Машина Президента Чжэна уже ждет на парковке.

Когда Чжоу Хуну нужно было задобрить Директора Чжай, он называл её сестрой.

Сегодняшний ужин был решающим. Женщина была ключевой фигурой: только она могла подписать контракт с больницей. И если она поставит свою подпись, это станет вторым сокрушительным ударом по репутации Ли Цинли и Гу Нун.

До сей поры Ли Жун и Цэнь Сяо не предложили никакого решения. Значит, у них не было выхода, или же время для открытого противостояния с Президентом Чжэном еще не пришло. А значит, ей придется подписать эту бумагу.

— У меня еще несколько историй болезни, — устало проговорила Директор Чжай. — Пусть водитель подождет. Мы не торопимся.

Чжоу Хун смерил её долгим взглядом и усмехнулся:

— Ладно. Я передам. Но ты уж поторапливайся.

Его понукания лишь усилили горечь в душе женщины.

— Я поняла, — сухо ответила она.

На сцене выступление наставников подошло к концу, и они заняли свои места в судейских креслах. Фанаты в зале вежливо зааплодировали. Даже Ли Жун, поддавшись общей атмосфере, пару раз хлопнул в ладоши.

Он наклонился к Цэнь Сяо и громко произнес:

— Линь Цинь сказал, что выступает шестым. Хорошая позиция. Первых быстро забывают, а к концу зрители уже устают. Кажется, само небо ему благоволит.

Цэнь Сяо коснулся волос Ли Жун. Он понимал: на милость небес надеются лишь тогда, когда человеческих сил уже недостаточно. Ли Жуну сейчас отчаянно требовалась поддержка свыше, ведь и он был не всемогущ.

Затем ведущий объявил правила конкурса и порядок голосования, и участники начали выходить на сцену.

Ли Жун и Цэнь Сяо не были знатоками поп-музыки и не понимали, почему девчонки в зале кричат до хрипоты, но атмосфера шоу действительно захватывала. В таком грохоте трудно думать о чем-то, кроме самого состязания; мощные волны звука смывали все посторонние мысли.

Фу Хуань вышел третьим. Ли Жун помнил его, а потому слушал внимательно. Фу Хуань выбрал беспроигрышный вариант — свою первую хитовую песню в стиле «гуфэн». Она легко вызывала отклик у публики.

Когда он закончил, Ли Жун взглянул на часы. Было семь десять вечера.

— Когда объявят количество голосов?

Зрители начали голосовать еще в шесть, но на огромном экране над сценой пока крутили рекламу.

— В девять объявят промежуточные итоги, — ответил Цэнь Сяо. — В двадцать один пятьдесят пять прием голосов закроется.

Ли Жун кивнул.

Телефон Директора Чжай разрывался от сообщений Чжоу Хуна и Президента Чжэна. Она долго смотрела на экран, после чего тяжело вздохнула.

Она была слишком оптимистична. В конце концов, Ли Жун и его друзья — всего лишь двадцатилетние дети. Разве могут они, как в кино, восстать из пепла и нанести ответный удар? Перед лицом столь могущественного врага, даже имея на руках улики, они остаются скованными по рукам и ногам.

Директор Чжай взяла сумку и с каменным лицом вышла из кабинета. Она набрала номер Чжоу Хуна.

— Итак, встречаем шестого участника! Настоящего любимца публики, чей голос нежен и тонок, а песни текут, словно чистый ручей. Его имя ласкает слух... «Чжэньцзысу» в зале, скажите мне, как его зовут?!

Ведущий выдержал театральную паузу, и зал взорвался восторженным воплем.

Цзянь Фу тут же забыл о светских беседах с матерью Линь Циня. Поддавшись общему безумию, он во всю глотку заорал, размахивая флажком:

— Линь Цинь! Линь Цинь! Линь Цинь!

Наконец, тот появился. Статус лидера симпатий подтвердился мгновенно: когда он ступил на сцену, уровень децибел в зале подскочил в несколько раз.

Линь Цинь был в сценическом костюме, расшитом золотыми нитями. Наряд идеально подчеркивал его стройную фигуру, выделяя узкую талию и длинные ноги. В свете прожекторов его лицо казалось изваянным из белого фарфора — изысканным и холодным.

Фанатки едва не падали в обморок от восторга, а сердце Цзянь Фу готово было выскочить из груди. Он не знал, как описать это чувство: певец казался недосыгаемо далеким, но при этом юноша кожей чувствовал их близость. Это было пьянящее чувство почти запредельного удовлетворения.

Но Ли Жун внезапно нахмурился.

— Когда это он успел так похудеть? — пробормотал он себе под нос.

На экране это было не так заметно, но здесь, вживую, стало ясно: Линь Цинь стал гораздо суше, чем в школе. Конечно, звездам нужна жесткая диета, но Ли Жуну казалось, что тот слишком дорожит этим шансом и потому чересчур строг к себе. Неужели человек, так любящий сцену и так ценящий каждый миг на ней, в прошлой жизни подвергся такому унижению, что предпочел забвение и гнев «Вацзина» простому подчинению?

Зазвучала музыка, свет начал меняться, отбрасывая на певца причудливые тени. Артист коснулся наушника, поднял взгляд на темный зал и взял первую ноту.

Он пел поп-адаптацию зарубежной фольклорной баллады, которую они подготовили вместе с наставником. Несмотря на то что песня была не самой известной, её мелодия оказалась на редкость певучей и запоминающейся.

Голос Линь Циня действительно завораживал. В нем не осталось и следа от его обычной манеры речи; на сцене он излучал спокойную уверенность. Свет прожекторов окутывал его, точно морской прибой, а музыка, нарастая, заполняла каждый уголок стадиона.

В таком огромном помещении даже самая лучшая аппаратура дает искажения, но дыхание Линь Циня было ровным, а голос звучал чище и звонче, чем на репетиции. Он наслаждался сценой, а фанаты в зале наслаждались им. Это был момент абсолютного счастья, который стоит помнить всю жизнь.

Директору Чжай казалось, что она попала в логово высокотехнологичных хищников. Все присутствующие были одеты с иголки и вели себя подчеркнуто вежливо, но она знала: перед ней волки в дорогих костюмах.

В их сердцах не было места добру или справедливости. Только выгода. Именно она связывала их воедино, заставляя улыбаться и со смачным чавканьем высасывать чужую жизнь. Женщина ощутила тяжелый запах застарелой крови. Её едва не вывернуло наизнанку, но она увидела, как стоящий рядом Чжоу Хун с упоением втягивает этот воздух, зажмурившись от удовольствия.

Как же она могла быть настолько слепа, чтобы когда-то примкнуть к ним?

Президент Чжэн положил руку ей на плечо и приторно произнес:

— Директор Чжай, мы вас заждались.

Его рука казалась ядовитым насекомым, от прикосновения которого по коже пробежал мороз.

Огни мигнули, дым от сухого льда рассеялся. Линь Цинь закончил выступление, низко поклонился и покинул сцену. Аплодисменты не стихали до тех пор, пока не вышел следующий участник.

Цзянь Фу тут же выхватил телефон и полез в тематическую ветку шоу смотреть реакцию. В сети «Чжэньцзысу» уже бились в экстазе:

«А-а-а, мой Цинь выступил просто божественно!»

«Настоящий боец! Спел даже лучше, чем на репетиции!»

«Это за пределами! Я в восторге! Сегодня он был чертовски хорош, лучший из всех!»

Юноша сиял от гордости за друга. Он уже был готов уплыть в страну грез, но тут в ветку

ворвался неугомонный председатель фан-клуба.

«Эй вы, бездельники, а ну бегом голосовать! Вы уже отдали свои голоса? У каждого по одному шансу, важен каждый голос! Не забывайте делать скриншоты. Ссылка на подсчет в шапке профиля, обязательно зарегистрируйтесь, сестренки!»

Цзянь Фу фыркнул. Все наслаждаются шоу, а этот председатель требует немедленных отчетов. Вот это самоотдача! Настоящий трудоголик, готовый костыми лечь ради статистики. Впрочем, фанатки беспрекословно слушались: увидев призыв, они мигом разлетелись по домам собирать голоса.

Последним выступал Чэн Цзэжуй. Его выход тоже вызвал бурю восторга. Справедливости ради, сегодня он превзошел сам себя: даже вечная проблема с неустойчивыми верхними нотами была решена.

Как только стихли последние аккорды, пробили девять часов. Огромный экран над сценой мигнул, и на нем высветились результаты.

Линь Цинь — 858 921. Чэн Цзэжуй — 829 231.

В зале поднялся гул. Цзянь Фу первым вскочил с места:

— Первый! Мы первые! Победа!

Но Ли Жун с сомнением смотрел на цифры. Он не помнил точных значений из прошлой жизни, но знал наверняка: его друг выиграл с колоссальным отрывом. Сейчас разница составляла меньше тридцати тысяч голосов — такой разрыв вполне реально сократить. Неужели организаторы подкрутили цифры ради интриги?

Далее все участники вышли на сцену для общей песни. Начались обязательные интервью с родственниками, слезливые истории и прочие атрибуты шоу, заставляющие зал рыдать. Время шло, цифры на экране постоянно менялись, но, к всеобщему изумлению, разрыв между Линь Цинем и Чэн Цзэжуйем не увеличивался, а сокращался. Зрители затаили дыхание.

— А теперь просим наших многоуважаемых наставников оценить выступления! У каждого судьи в руках по десять тысяч голосов. Эти баллы могут полностью изменить расстановку сил в финале!

Судья А: «Я в замешательстве, все были на высоте. Поэтому я отдам свой голос тому, кто тронул меня больше всех — Чэн Цзэжую».

Цзэжуй, сияя от счастья, отвесил судье глубокий поклон.

Судья Б: «Этот финал — лучшее, что я видел. Вы все молодцы, каждый выложился на сто процентов. Уверен, впереди у вас блестящее будущее. Но свой голос я отдам самому молодому участнику. На нем лежал огромный груз, но он рос с каждым днем. Чэн Цзэжуй, ты крут!»

Цзэжуй, казалось, не верил своим ушам и готов был пасть ниц.

Судья В: «Ох, как же они быстро определились! А я вот долго мучился, выбирая между Линь Цинем и Чэн Цзэжуем. Но глядя на текущий счет, я решил, что шоу должно быть азартным! Вы согласны?! Чэн Цзэжуй! Давай! Покажи им!»

Цзэжуй прижал ладонь к губам, его глаза заблестели от слез. Артист лишь вежливо улыбался, не выказывая никаких эмоций.

Цзянь Фу начал ерзать в кресле.

— Эти судьи что, с ума сошли? Какой еще прогресс? Выбирать надо того, кто поет лучше! „Азартнее“ ему захотелось... азартный ты наш, чтоб тебе пусто было!

Ли Жун понял, что дело не в «эффектах шоу». Судьи с поразительным единодушием отдавали голоса одному человеку, чтобы стереть преимущество Линь Циня и сделать победу Чэн Цзэжуйа закономерной.

Он резко схватил Цзянь Фу за локоть. Его взгляд стал острым и холодным:

— С какой компанией Линь Цинь подписал контракт?

Собеседник растерянно моргнул.

— Я... я передал ему список, но он сказал, что решит вместе с родителями. Сказал, чтобы я не лез и тебе ничего не говорил.

Ли Жун выпустил его руку и закрыл глаза, чертыхаясь про себя. Он сам виноват — слишком вымотался в последнее время, не уделил другу должного внимания. Линь Цинь, скорее всего, так и не выбрал агентство, а потому за него некому было замолвить слово.

Зрители в зале тоже начали перешептываться.

— Почему все за Чэн Цзэжуйа? Будто сговорились. Он что, правда так хорошо пел?

— Ему накинули уже десятки тысяч голосов. Он же сейчас обгонит Линь Циня!

— Странно всё это. У Линь Циня армия фанатов, он не мог так мало набрать.

— Вот именно! Все, кто следит за статистикой, знают: разрыв должен быть минимум в двести тысяч.

Наконец заговорил последний судья:

— Поскольку мы с Чэн Цзэжуем из одной компании, я воздержусь от его поддержки, чтобы не возникло кривотолков. Мой голос — за единственную песню в национальном стиле. Фу Хуань!

Но эти десять тысяч голосов Фу Хуаню были как мертвому припарка. Он прочно застрял на седьмом месте, так что хоть он и поблагодарил наставника, радости в его лице не прибавилось.

Голоса судей были распределены. Теперь оставалось лишь дожидаться закрытия голосования и оглашения окончательных результатов. В двадцать один пятьдесят пять счетчик скрыли. Зал замер в напряжении.

Цзянь Фу лихорадочно листал ленту новостей, надеясь увидеть, что фанаты сражаются до последнего вздоха. Ли Жун, предчувствуя неладное, просто смотрел на темный экран, сощуриив глаза.

В зале финала висело тяжелое напряжение; на банкете «Сухэ Био» атмосфера была не менее гнетущей. Время казалось невидимой рукой, сжимающей горло.

Президент Чжэн вывел Директора Чжай перед руководством компании и торжественно провозгласил:

— Коллеги! Наш препарат «Суиньсюй» начинает сотрудничество с Центральной больницей «Цзяцзя». Уверен, вместе мы достигнем небывалых высот и досрочно выполним план пятилетки!

Женщина не улыбалась. Она стояла с бокалом в руке, и лицо её было мрачнее тучи. Глава компании, хоть и презирал её напускное благородство, пока помалкивал — контракт еще не был подписан.

— Директор Чжай, — елеиным голосом произнес он. — Мы в «Сухэ Био» не чета той скупердяйской «Нунъань», которую основал Ли Цинли. Если вашей больнице что-то понадобится — только скажите. Мы ведь в одной лодке, а помогая вам, я помогаю себе.

— Вы очень любезны, господин Чжэн, — холодно ответила она. — Если это пойдет на пользу

детям, я готова сотрудничать.

Президент Чжэн закивал:

— Разумеется! Мы всё делаем ради подрастающего поколения.

Директор Чжай почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Она постаралась незаметно отстраниться от него:

— Я отойду в дамскую комнату. Продолжайте без меня.

Она пошла по длинному коридору отеля. В конце коридора висело зеркало, которое, отражая пространство, создавало иллюзию бесконечности. Казалось, по этому пути можно идти вечно и так и не достичь цели.

Линь Цинь тоже шел по длинному коридору за кулисами. Скоро выход для оглашения результатов. Он снял сценический костюм и переоделся в легкую спортивную одежду.

Его перехватил Фу Хуань. Глаза у того были на выкате.

— Ты что творишь?! Чэн Цзэжуй тебя обходит!

Фу Хуань знал про связи Цзэжуя, но его соперник был так спокоен, что Фу Хуань решил: у того припрятан козырь в рукаве. Но сейчас стало ясно — козырей нет.

Линь Цинь спокойно посмотрел на него и расправил складку на футболке.

— Это не мне решать, — просто ответил он.

— Да ты!.. — Фу Хуань задохнулся от возмущения.

Хоть тот когда-то и помог ему на шоу, Фу Хуань не считал его настоящим другом. Просто в этом бизнесе слишком одиноко, и ему нужно было прибиться к кому-то не слишком подлому, чтобы согреться. Линь Цинь подходил идеально: ему можно было жаловаться на жизнь, не боясь удара в спину. К тому же он был популярнее, и у него не было причин вредить коллеге.

Певец лишь пожал плечами и пошел дальше.

Снова на сцене. Участники выстроились в ряд. Ведущий опять тянул время, зачитывая рекламу.

— А теперь — самый волнительный момент вечера! Сейчас десять вечера, линии для голосования закрыты, подсчет окончен. Имя победителя уже у меня в руках! И это...

Ли Жун смотрел на сцену с тревогой. Линь Цинь вел себя слишком спокойно, словно заранее знал, что произойдет. Староста привык быть стратегом и совсем забыл, что люди в его команде тоже умеют думать. Он никогда не притворялся перед ними, и его боль, его бессилие и тупики были видны артисту как на ладони.

Что же он задумал?

Цзянь Фу сжал кулаки так, что побелели костяшки. Он дрожал всем телом, готовый взмолиться всем богам сразу, лишь бы его друг победил.

Цэнь Сяо уже всё понял. Он рывком поднял парня за шкирку и потащил к выходу:

— Хватит дрожать. Живо звони отцу. Сегодня будут громкие новости, мы должны направить волну в нужное нам русло.

Прежде чем Цзянь Фу успел что-то возразить, Цэнь Сяо выволок его в безопасную зону. Там, в тишине коридоров, залитых ярким светом ламп, голос ведущего со сцены звучал глухо и торжественно:

— На экране появились результаты! Первое место занимает Чэн Цзэжуй — восемьсот девяносто одна тысяча двести тридцать один голос! Поздравляем победителя! На втором месте — Линь Цинь. Прекрасный результат, восемьсот восемьдесят семь тысяч пятьсот шестьдесят три голоса. Ему не хватило совсем чуть-чуть!

Стадион буквально взорвался.

«Это что, шутка такая?!»

«Цзэжуй обошел Циня?! Серьезно?!»

«Ха-ха, впервые в жизни вижу такой наглый вброс. Больше никогда не буду смотреть эту лажу!»

«Они правда думают, что если судьи проголосовали за него, мы во всё поверим?»

«Да мы же за данными следили... Нас за идиотов держат!»

«Как же неловко. Интересно, фанатам Цзэжуя не стыдно?»

«А чего им стыдиться? Они уже празднуют и подарки разыгрывают».

«Слушайте, те, кто кричит про подтасовку — у вас доказательства есть? Если ваш кумир не первый, значит сразу вброс? В финале полно обычных зрителей, они проголосовали за того, кто лучше выступил».

«Жди, сейчас я тебе такие доказательства предъявлю — мало не покажется».

Ночь сгустилась, туман стал плотнее, превратив лучи прожекторов в мутные светящиеся шары.

Директор Чжай отвела взгляд от ночного окна и посмотрела на контракт перед собой.

Президент Чжэн усмехнулся:

— Директор Чжай, вы перечитываете его уже в десятый раз. Что вас смущает? Неужели вы думаете, что я вас обману? Я же не Ли Цинли и не Гу Нун.

Чжоу Хун поддакнул:

— Сестра, чего ты ждешь? Господин Чжэн пожертвовал огромную сумму на детский дом. Это сотрудничество выгодно всем.

Женщина медленно взяла ручку, до боли сжав её в пальцах. Она и сама не знала, почему всё время смотрит в сторону стадиона. Наверное, до последнего надеялась, что Ли Жун что-нибудь придумает. Но это были лишь мечты. Тот сейчас смотрит шоу, он и знать не знает, через какой ад она проходит.

Директор Чжай стиснула зубы. Ей казалось, что буквы в контракте превращаются в черные дыры, готовые поглотить остатки её совести. Она ненавидела всех: Президента Чжэна, Чжоу Хуна с их низостью и даже... самого Ли Жуна. Она злилась на юношу за то, что он открыл ей глаза на правду, но не дал способа спастись. Ей всё равно пришлось стоять перед этим подонком и надевать на себя эти оковы. Сама того не замечая, она начала требовать от юноши

невозможного. Её сердце обливалось кровью.

А Чэн Цзэжуй на сцене обливался слезами. Его симпатичное лицо с пухлыми щеками превратилось в мокрую маску. Он сжимал микрофон дрожащими пальцами, точно впервые оказался под софитами. Захлебываясь от рыданий, он благодарил компанию, родителей, фанатов — те самые заезженные фразы, которые звучат в каждом шоу и каждый раз трогают кого-то за живое. Поклонницы в зале визжали от восторга, выкрикивая лозунги. Фанаты Линь Циня кипели от ярости, их глаза покраснели от обиды.

Наконец микрофон передали его сопернику. Цзэжуй, шмыгая носом, протянул его Линь Циню. Артист принял его, даже не попытавшись изобразить дружеское объятие, и сразу вышел вперед.

Он посмотрел на море светящихся табло со своим именем, глубоко вдохнул, а затем мягко улыбнулся тем, кто пришел его поддержать:

— Не плачьте. Я еще здесь.

Сила кумира велика: одной фразы хватило, чтобы зал притих. Тысячи глаз устремились на него с безграничным доверием. Линь Цинь перевел взгляд на судей и едко усмехнулся. В нем не было той властной мощи, которая была присуща старосте, но его насмешка больно ударила по самолюбию судей.

— У меня нет тяги к первому месту, — начал Линь Цинь. — Я готов быть вторым. Моя главная ответственность перед вами — это идеальное выступление. Но я не могу смотреть, как обижают тех, кто за меня голосовал. Я не могу предать их усилия. Поэтому я спрошу от их имени: эти цифры — правда?

Зал ахнул.

«О боже, это мой кумир?! Как он посмел?!»

«Ущипните меня! Он сам решил во всём разобраться?»

«Вот это да... Первый раз вижу, чтобы артист так открыто шел на таран...»

«Почему мне так круто?! Я за него боюсь, но мне так круто!»

«Трепещите, „Фужуй“! У нас есть защитник!»

Режиссер площадки онемел от ужаса. Никогда еще участник не обвинял шоу в подтасовке в прямом эфире! Линь Цинь прекрасно понимал, что идет трансляция, а потому не дал никому опомниться.

Он поднес диктофон к микрофону и нажал кнопку воспроизведения. Над стадионом зазвучал голос Президента Суна:

— Бизнес без наценок? Сценарии на выбор? Ты с кем торгуешься?! Ты за кого себя принимаешь?! С такими охватами, как у тебя, я одним словом могу тебя похоронить!

— Говорю прямо: не подпишешь — до конца шоу не дойдешь. Думаешь, я тебе просто так ресурсы дам? Я что, благотворительностью занимаюсь?

Следом раздался спокойный голос Линь Циня:

— Я знаю, что у „Вацзина“ есть ресурсы. Но на шоу много компаний, и никто не позволяет себе таких речей.

— Ты посмотри, кто главный инвестор, а потом рассуждай!

— Понятно. Значит, „Сухэ Био“ — ваши хозяева.

— Тебе честь оказывают, предлагая контракт! Не хочешь ты — найдутся другие. Не наглей, парень!

Запись оборвалась. Зрители в зале и у экранов еще не успели переварить этот поток информации, как Линь Цинь продолжил:

— Я верю, что наши судьи были беспристрастны. Но я всё же хочу спросить: связаны ли сегодняшние результаты с моим отказом компании „Вацзин“ и стоящей за ней „Сухэ Био“?

По залу прокатился вздох ужаса.

«Этот урод угрожал его похоронить?!»

«Меня тошнит! Какое высокомерие! „Вацзин“ и „Сухэ Био“ — просто мусор!»

«Ничего себе порядки в „Вацзине“... Значит, наценки в контрактах — это норма?»

«Боже, Цинь такой молодец! Нельзя подписывать такое рабство. Он защищал нас!»

«Хорошо, что он был осторожен. Многие компании обманывают молодых артистов, те и не знают, сколько прав отдают. Если бы он подписал, его бы потом просто использовали как дойную корову, а за непокорность — сгноили бы!»

«А Цзэжуй... он что, подписал? Мне уже жалко его фанаток!»

Судьи сидели с открытыми ртами, едва не ломая микрофоны в руках. Никто не ожидал такого поворота. Обычно все грязные дела обсуждались за закрытыми дверями, и все участники послушно играли свои роли. Ведь скандал — это конец карьеры, месть больших боссов страшна. Большинство артистов без связей покорно глотали обиды. Они думали, что Линь Цинь — один из таких.

Певец обвел зал взглядом. На мгновение он задержался на Ли Жуне, но тут же отвел глаза:

— И еще. Господин Президент Чжэн, глава „Сухэ Био“, в середине конкурса требовал, чтобы артисты оказывали ему „сопровождение на ужинах“. Я отказался. Не этим ли я прогневал нашего всемогущего инвестора?

«Сопровождение?! Секс-услуги?!»

«Твою мать! Кто такой этот Президент Чжэн? Пошел он к черту!»

«Впервые слышу про „Сухэ Био“ — что это за дрянь?! Это шоу талантов или ваш личный гарем?!»

«Мерзость! Чжэн, сдохни! Чтоб ваша контора закрылась!»

«Шоу, требуем ответа! Извиняйтесь!»

«Это что, домогательства?! Это подтасовка?! Вы издеваетесь над людьми?!»

«„Вацзин“ — мусор! „Сухэ Био“ — мусор!»

«Защитим нашего Циня! Бедный мальчик!»

Команда шоу была в панике. Режиссер, не помня себя, орал в мегафон, обращаясь к аппаратной:

— Чего вы ждете?! Прерывайте трансляцию! Уводите его со сцены!

В аппаратной в суматохе обрубил эфир, но все понимали: поздно. Скандал уже на полной скорости летел по проводам во все концы страны. На стадионе воцарился хаос, а в интернете новости вспыхнули, точно сухая трава от искры.

Махинации с голосами, скандал на финале, угрозы артисту, домогательства инвестора, эксплуатация талантов капиталом. Любое из этих сочетаний гарантировало взрыв, но сегодня они сошлись в одной точке.

«Сухэ Био» — этот таинственный и мощный гигант — впервые предстал перед публикой в столь неприглядном свете. Огромный корабль, скрывавшийся в тумане, впервые затрепал по швам.

<http://bllate.org/book/15351/1572041>